

УДК 94(47)

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-39-51

EDN: SQHRDF

ASJC 1202

ГРНТИ 03.29.00

Ссылка для цитирования: Фокин А. А. От советского – к глобальному: переосмысление университетов и формирование научно-технических кластеров // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 39–51. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-39-51. EDN: SQHRDF

ОТ СОВЕТСКОГО – К ГЛОБАЛЬНОМУ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ¹

А. А. Фокин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 198095, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17А;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 82;

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), 119991, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, 2, стр. 4

aafokin@yandex.ru

ResearcherID: ABE-2141-2021

Scopus Author ID: 57195673223

SPIN-код: 7974-0880

Анализируется эволюция (пост)советских университетов как центров формирования научно-технических кластеров в пригородах Москвы и Ленинграда / Санкт-Петербурга. На основе монографии Майи Чанкселиани *What Happened to the Soviet University?* показано, как процессы маркетизации, интернационализации и частичной трансформации институциональной автономии изменили положение ведущих советских вузов, но не отменили их ключевой роли в национальных системах высшего образования. Особое внимание уделяется кейсам Зеленограда, Долгопрудного и Петергофа, где университеты выступали ядром сложных научно-образовательных экосистем, связывающих образование, фундаментальные исследования и высокотехнологичное производство. Теоретической рамкой служат концепции кластеров М. Портера, «тройной спирали» Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа, а также подходы к «умной» специализации, региональному развитию и теории «умной» кластерной политики. Показано, что доминирующее понимание университетских кластеров как инфраструктуры для производства прикладных знаний и обслуживания потребностей индустрии оказывается методологически недостаточным и игнорирует социальные измерения университетской среды. Автор предлагает рассматривать университетские кластеры как пространства, в которых одновременно формируются инновационная экономика, гражданское общество и новые социальные смыслы, и намечает повестку дальнейших сравнительных исследований постсоветских университетов в перспективе их глобальной интеграции, включая анализ различий между странами Балтии, Россией и государствами Центральной Азии, а также роли государства, академической автономии и академической свободы в конфигурации региональных научно-технических экосистем и долгосрочных траекторий развития высшего образования в различных национальных и региональных контекстах. Таким образом, исследование вносит вклад в переосмысление места (пост)советских университетов в глобальной истории знаний и политики развития.

Ключевые слова: постсоветские университеты, научно-технические кластеры, маркетизация образования, интернационализация, академическая свобода, высшее образование.

«Проект 5–100» и «Приоритет – 2023» – слова, вызывающие неоднозначную реакцию у всех, кто связан с высшим образованием в России. С одной стороны, эти государственные программы увеличили финансирование отечественного высшего образования, с другой – неоднозначные реформы и стремление к постоянным изменениям негативно сказались на образе

мышления преподавателей. Важной частью дискуссии о реформе высшего образования были идеи заимствования зарубежного опыта (создадим свою «Кремниевую долину») и стремление к быстрому внедрению научных исследований в практическую плоскость (необходимы индустриальные партнеры и продуктовый подход к исследованиям). В этом контексте важно проанализировать опыт советских университетов и их трансформацию в постсоветский период.

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием технологий и глобализацией экономики, особую актуальность приобретает исследование феномена научно-образовательных кластеров. Эти уникальные образования, объединяющие в себе образовательные институты, исследовательские центры и инновационные предприятия, становятся ключевыми драйверами регионального и национального развития. Научно-образовательные кластеры представляют собой сложные экосистемы, в которых происходит интенсивный обмен знаниями, технологиями и человеческим капиталом, что способствует созданию инноваций и повышению конкурентоспособности как отдельных регионов, так и целых стран. В советской системе существовало несколько вариантов формирования таких кластеров. В литературе прежде всего обращают внимание на модель академгородков и закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), но гораздо реже рассматривают университеты как центры сборки кластера.

Так, Зеленоград, основанный в 1958 г. как центр советской микроэлектроники, является ярким примером целенаправленного создания научно-технического кластера в пригороде Москвы. Ключевую роль в его развитии сыграл Московский институт электронной техники (МИЭТ), основанный в 1965 г. МИЭТ стал не только образовательным учреждением, но и центром научных исследований и разработок в области микроэлектроники. Интеграция образования, науки и производства в Зеленограде отражала советскую модель организации научно-технических комплексов, где университет тесно взаимодействовал с исследовательскими институтами и промышленными предприятиями. Долгопрудный, расположенный к северу от Москвы, получил статус научного центра благодаря созданию в 1951 г. Московского физико-технического института (МФТИ). МФТИ, известный как Физтех, стал одним из ведущих технических вузов СССР и России, реализуя уникальную систему подготовки кадров – «систему Физтеха». Эта система предполагала тесное взаимодействие с ведущими научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро, что позволяло студентам получать не только теоретические знания, но и практический опыт участия в реальных научных проектах. Петергоф, пригород Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга), стал значимым научно-образовательным центром благодаря переезду туда в 1970-х гг. нескольких факультетов Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Создание университетского городка в Петергофе было частью более широкой стратегии по развитию науки и образования в пригородах крупных городов. Здесь расположились физический, математико-механический и другие естественно-научные факультеты ЛГУ, что способствовало формированию междисциплинарной научно-образовательной среды. Расположение этих кластеров в пригородах крупных городов отражало стратегию создания «научных городков», изолированных от городской суеты и предоставляющих ученым и студентам особую среду для работы и жизни.

Одним из фундаментальных трудов, заложивших основу понимания роли кластеров в экономическом развитии, является работа Майкла Портера *Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Governments, and Institutions* [Porter, 1998]. В ней он не только дает определение кластеров как «географически близких групп взаимосвязанных компаний и ассоциированных институтов в определенной области, связанных общностями и взаимодополнениями» [Ibid.], но и подчеркивает их значимость для повышения производительности, инновационного потенциала и конкурентоспособности регионов и стран. Исследователь аргументирует, что кластеры создают уникальную среду, в которой конкуренция и сотрудничество сосуществуют, стимулируя инновации и экономический рост. Развивая идеи Портера в контексте научно-образовательных кластеров, необходимо обратиться к работе Маргарет Пью О'Мара *Cities of Knowledge: Cold War Science and the Search for the next Silicon Valley* [O'Mara, 2005]. Она предлагает вниманию читателя исторический анализ формирования научно-

технологических центров в США, уделяя особое внимание роли государственной политики и университетов в этом процессе. Ее исследование показывает, как взаимодействие между академическими институтами, правительством и частным сектором привело к созданию уникальных инновационных экосистем, таких как Кремниевая долина. Проблематика научно-образовательных кластеров тесно связана с концепцией «тройной спирали» инноваций, предложенной Генри Ицковицем и Лойетом Лейдесдорфом в их работе *The Triple Helix: University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development* [Etzkowitz, Leydesdorff, 1995]. Эта модель описывает взаимодействие между университетами, промышленностью и правительством как ключевой фактор инновационного развития. В контексте научно-образовательных кластеров модель «тройной спирали» позволяет анализировать сложные взаимосвязи между различными акторами и их роль в создании и распространении знаний и инноваций. Особый интерес представляет исследование механизмов трансфера знаний и технологий в рамках научно-образовательных кластеров. Работа Дэвида Одреча и Эрика Лехмана *Does Knowledge Spillover Theory of Entrepreneurship Hold for Regions?* [Audretsch, Lehmann, 2005] раскрывает роль предпринимательства в процессе коммерциализации знаний, созданных в университетах и исследовательских центрах. Авторы показывают, как близость к источникам знаний влияет на формирование новых инновационных предприятий и, следовательно, на экономическое развитие региона. В контексте глобализации и международной конкуренции научно-образовательные кластеры приобретают новое значение. Исследование Аны Тер Валь и Рона Бошмы *Co-evolution of Firms, Industries and Networks in Space* [Ter Wal, Boschma, 2011] предлагает эволюционный подход к анализу кластеров, подчеркивая важность сетевых связей и пространственной близости для инновационных процессов. Авторы аргументируют, что успешные кластеры характеризуются не только географической концентрацией, но и развитыми сетями взаимодействия между различными акторами. Важным аспектом проблематики научно-образовательных кластеров является оценка их эффективности и влияния на региональное и национальное развитие. В этом контексте стоит отметить работу Фионы Маккэнн и Рауля Ортеги-Арджилес *Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy* [McCann, Ortega-Argilés, 2015], в которой рассматривается концепция «умной специализации» как инструмент региональной политики, тесно связанный с развитием научно-образовательных кластеров. Авторы подчеркивают важность учета региональной специфики и существующих компетенций при формировании кластерной политики.

Особого внимания заслуживает рассмотрение эволюции университетов как научно-образовательных кластеров в контексте советского и постсоветского пространства. Этот аспект представляет собой уникальный кейс в мировой практике развития научно-образовательных систем и требует детального анализа. В Советском Союзе формирование научно-образовательных кластеров имело свою специфику, обусловленную централизованной плановой экономикой и идеологическими установками. Как отмечает Лорен Грэхэм в своей работе *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* [Graham, 2013], советская система высшего образования и науки характеризовалась жестким разделением образовательных и исследовательских функций. Университеты были преимущественно ориентированы на образовательную деятельность, в то время как фундаментальные исследования были сосредоточены в институтах Академии наук СССР. Однако, несмотря на это разделение, в СССР сформировались уникальные формы научно-образовательных кластеров. Примером может служить система специализированных вузов, тесно связанных с конкретными отраслями промышленности. Исследование Харли Балзера *Soviet Science on the Edge of Reform* [Balzer, 1989] показывает, как, например, такие вузы, как МИФИ (Московский инженерно-физический институт) или МФТИ (Московский физико-технический институт), стали центрами не только подготовки кадров, но и проведения передовых исследований в сотрудничестве с профильными предприятиями и НИИ.

Особую роль в формировании советских научно-образовательных кластеров сыграли наукограды – специализированные научные центры, объединявшие исследовательские институты, конструкторские бюро и производственные предприятия. Работа Пола Джозефсона *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science* [Josephson, 1997] детально анали-

зирует опыт создания и развития Академгородка в Новосибирске как уникального научно-образовательного кластера, объединившего десятки исследовательских институтов и Новосибирский государственный университет.

В отечественной историографии сложилась парадоксальная ситуация, когда существует значительный корпус монографических текстов, посвященных истории дореволюционных университетов, но при этом советский, а тем более постсоветский периоды оказываются слабо охваченными. Конечно, существует множество различных юбилейных изданий, посвященных тому или иному университету, в которых приводятся занимательные факты о вузе, но по своему жанру они не могут критически оценивать историю высшего учебного заведения и не вписывают вуз в глобальные процессы в образовании и науке. Из недавних работ можно выделить книгу Рустема Вахитов [Вахитов, 2014], в которой он рассматривает историю университетов от их появления в России до XXI в., приходя к неутешительным выводам о некой деградации отечественной университетской корпорации, а также работу Марии Юдкевич и Ярослава Кузьмина [Юдкевич, Кузьминов, 2022], где одни из ключевых людей в «Высшей школе экономики» осмыслиют и свой управленческий опыт, и структуру высшего образования в современной России. Если же посмотреть на проблематику шире, можно добавить еще несколько важных работ.

Исследование Ирины Дежиной и Виктории Киселевой «Государство, наука и бизнес в инновационной системе России» [Дежина, Киселева, 2008] раскрывает проблемы адаптации советской модели науки и образования к рыночным условиям. Авторы отмечают, что разрушение связей между наукой, образованием и производством в 1990-е гг. привело к кризису многих научно-образовательных центров. Однако с начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к восстановлению и реформированию научно-образовательных кластеров на постсоветском пространстве.

Работа Наталии Шматко и Юрия Качанова «Территориальные научные сообщества и трансформация социальной структуры научных кадров в постсоветской России» [Качанов, Шматко, 2011] анализирует процессы формирования новых форм организации научной деятельности, включая создание федеральных и национальных исследовательских университетов. Важным аспектом современного развития научно-образовательных кластеров в постсоветских странах является их интеграция в глобальное научно-образовательное пространство.

Исследование Ольги Бычковой «Фантастические миры российского хай-тека» [Бычкова, 2012] на примере технопарка «Сколково» показывает, как постсоветские страны пытаются адаптировать международный опыт создания инновационных экосистем к местным условиям. Анализ эволюции университетов как научно-образовательных кластеров в советском и постсоветском контексте позволяет выявить уникальные характеристики и проблемы, свойственные этому региону. Понимание этих особенностей критически важно для разработки эффективных стратегий развития научно-образовательных кластеров в современных условиях, учитывающих как глобальные тенденции, так и локальную специфику.

Можно зафиксировать определенный парадокс, когда на английском языке выходят работы, которые стремятся осмыслить ситуацию внутри России, и российским коллегам приходится смотреть на самих себя, как бы через зеркало. В случае истории университетов таким примером является книга Майи Чанкселиани *What Happened to the Soviet University?* [Chankseliani, 2022]. Сама Майя родилась и училась в Тбилиси, а затем переехала в США, где получила магистерское образование и защитила докторскую диссертацию (PhD) в области сравнительного и международного образования в Колумбийском университете, а в настоящее время занимает должность профессора высшего образования в Оксфордском университете. Таким образом, она имеет как личный опыт взаимодействия с постсоветским университетом, так и знакомство с различными университетскими традициями.

В своей книге Майя Чанкселиани представляет многогранный анализ сложных процессов, которые сформировали высшие учебные заведения на постсоветском пространстве за последние три десятилетия. Основное внимание в книге уделяется эволюции 69 университетов советской эпохи (которые с тех пор превратились в 72 из-за разделения) в 15 странах. Важным аспектом исследования является анализ влияния глобализации на трансформацию советских университе-

тов. Автор рассматривает глобализацию как сложный процесс, который одновременно соединяет и разрушает, создавая возможности и препятствия для развития высшего образования.

В первой главе автор начинает с обзора истории высших учебных заведений, отмечая их долгую традицию и важную роль в обществе. Майя Чанкселиани описывает различные модели университетов, которые существовали на протяжении истории, включая средневековую, гумбольдтовскую, национальную флагманскую и глобальную исследовательскую модели. Особое внимание уделяется советской модели университета, которая была ориентирована на удовлетворение потребностей коммунистической экономики в рабочей силе и поддержание равенства в обществе. Автор прослеживает, как эта модель распространилась на другие страны Восточной Европы и Китай, а затем была отвергнута после распада Советского Союза. Книга подробно рассматривает географическое распределение бывших советских университетов, их размеры и специализации. Автор отмечает, что большинство этих университетов расположены в крупных городских районах, что делает их менее доступными для людей из сельской местности.

Опираясь на различные точки зрения, в том числе на представления народа аймара о времени, книга призывает читателей пересмотреть линейные представления о прогрессе и развитии. Данное исследование было написано во время глобальной пандемии, что добавляет интересный контекст анализу. Автор размышляет о том, как пандемия изменила наше восприятие времени, пространства и места, а также о ее влиянии на высшее образование и научные исследования. Такой подход углубляет анализ и способствует более критическому осмыслению процессов трансформации. Особенно ценно то, что автор придерживается глобальных исторических подходов, на которые повлияли работы Конрада. Сосредоточив внимание на транснациональных влияниях и взаимодействиях, книга выходит за рамки упрощенных внутренних и внешних дихотомий и предлагает более детальное понимание того, как глобальные силы маркетизации и интернационализации сформировали эти институты. Одним из наиболее привлекательных аспектов работы является отказ от теорий линейной модернизации. Вместо этого автор рассматривает трансформацию советских университетов как хаотичный, изменчивый процесс «становления», а не как устойчивое состояние «бытия». Такой процессуальный подход отражает динамичный характер институциональных изменений и позволяет избежать чрезмерного упрощения.

Для русскоязычного читателя вторая глава окажется наименее интересной, ибо автор в ней описывает историю становления высшего образования в СССР и отмечает то, что для англоязычного читателя может быть незнакомо, но очевидно из постсоветской ситуации. Она отмечает, что советский университет был неотъемлемой частью централизованной системы высшего образования, тесно связанной с идеологическими целями коммунистического режима и потребностями плановой экономики. Основными целями советского высшего образования были подготовка высококвалифицированных специалистов, идеологическая «обработка» студентов и сотрудников в духе марксизма-ленинизма, проведение исследований в соответствии с государственными и партийными интересами, а также популяризация обучения. Система характеризовалась жестким государственным контролем и ограниченной институциональной автономией. Все ключевые решения, касающиеся организации высшего образования, принимались Политбюро Коммунистической партии и реализовывались через директивы и приказы. Университеты не имели права самостоятельно определять учебные программы, количество студентов, учебные планы или административную структуру. Даже назначение на ключевые административные должности осуществлялось внешними органами. Важной особенностью советской системы было организационное разделение высшего образования и научных исследований. Университеты рассматривались в первую очередь как учебные заведения, в то время как большая часть исследований проводилась в институтах Академии наук СССР и отраслевых научно-исследовательских институтах. Это разделение было обусловлено как историческими причинами, так и политическими соображениями, включая стремление ограничить влияние потенциально нелояльных ученых на студентов.

Советская система высшего образования пережила значительное расширение, что привело к увеличению доступа к высшему образованию. К концу существования СССР средний валовой коэффициент охвата высшим образованием составлял 32 %, что было сопоставимо с по-

казателями Европейского Союза того времени. Однако существовали значительные различия между республиками, причем самые высокие показатели наблюдались в России, Беларуси и Украине. Система приема в вузы основывалась на сочетании академических достижений и политической благонадежности. Несмотря на то что официально провозглашалось равенство возможностей, на практике существовали различные формы дискриминации и привилегий, основанные на социальном происхождении, этнической принадлежности и политической лояльности. Для обеспечения представительства недостаточно представленных групп, особенно выходцев из рабочего класса и крестьянства, были введены специальные меры, такие как подготовительные отделения.

Важной чертой советского высшего образования была его роль в русификации нерусских республик. Русский язык все чаще использовался в качестве языка обучения и исследований, хотя в некоторых республиках, особенно в странах Балтии и Грузии, сохранялись сильные традиции высшего образования на национальных языках. Советский Союз также активно использовал высшее образование как инструмент международной культурной дипломатии, особенно в отношениях со странами «третьего мира». Создание Университета дружбы народов (позже переименованного в Университет имени Патриса Лумумбы) стало флагманским проектом в этой области. СССР стал одним из ведущих направлений для иностранных студентов, особенно из социалистических стран и развивающихся стран Азии и Африки.

В третьей главе книги представлен подробный анализ процесса маркетизации высшего образования в странах бывшего Советского Союза после его распада в 1991 г. Майя Чанкселиани рассматривает это явление как одно из двух ключевых изменений, наряду с интернационализацией, которые радикально трансформировали систему высшего образования в регионе. Маркетизация высшего образования в постсоветских странах характеризуется как резкий процесс изменений, вызванный крахом плановой экономики и внедрением рыночных механизмов. Этот процесс происходил на фоне глобального распространения неолиберальных идей в сфере образования, которые продвигали рыночные модели как способ повышения эффективности и преодоления бюджетных ограничений.

Автор выделяет несколько ключевых аспектов маркетизации высшего образования в регионе:

1) финансовые трудности: резкое сокращение государственного финансирования высшего образования в 1990-х гг. привело к серьезным финансовым проблемам для университетов, это вынудило их искать альтернативные источники дохода, в первую очередь через введение платного обучения;

2) введение платного образования: большинство государственных университетов ввели двухуровневую систему обучения, где часть студентов обучалась бесплатно, а часть – на платной основе, что позволило вузам увеличить набор студентов и получить дополнительное финансирование;

3) разделение системы высшего образования: университеты были вынуждены сократить многие аспекты традиционного университетского опыта, сосредоточившись в основном на преподавании и оценке знаний, многие дополнительные услуги стали платными или исчезли;

4) академическая подработка: низкие зарплаты вынудили многих преподавателей искать дополнительные источники дохода, включая преподавание в нескольких учреждениях и частное репетиторство;

5) появление частных вузов: в большинстве стран региона возникло множество частных высших учебных заведений, что привело к значительной диверсификации системы высшего образования;

6) централизованные системы приема: во многих странах были введены централизованные национальные экзамены для отбора абитуриентов, что изменило процесс поступления в вузы и повлияло на их автономию;

7) изменение подхода к исследованиям: внедрение конкурентного финансирования исследований и систем оценки результативности изменило подход к научной деятельности в университетах.

М. Чанкселиани отмечает, что маркетинг привел к значительному расширению доступа к высшему образованию в большинстве стран региона. Однако этот процесс также сопровождался рядом проблем, включая снижение качества образования, усиление неравенства в доступе к высшему образованию и изменение восприятия роли университетов в обществе. Особое внимание уделяется положению бывших советских университетов в новых рыночных условиях. Несмотря на трудности переходного периода, многие из них сумели сохранить свои лидирующие позиции в национальных системах высшего образования. Они продолжают привлекать наиболее подготовленных студентов и получать значительную долю исследовательского финансирования. Автор подчеркивает, что процесс маркетинга в регионе был тесно связан с влиянием международных организаций и заимствованием зарубежных моделей управления высшим образованием. Это влияние проявлялось как через прямое финансирование и рекомендации, так и через более тонкие механизмы нормативного давления.

Автор отмечает, что маркетинг высшего образования в постсоветских странах привел к значительной трансформации университетской системы. Высшее образование стало рассматриваться как товар, который продают университеты и покупают студенты. Это изменило не только структуру и функционирование высших учебных заведений, но и само восприятие роли высшего образования в обществе. Однако Майя Чанкселиани указывает также на ограничения этого процесса, отмечая, что многие университеты по-прежнему сталкиваются с проблемами недостаточного финансирования и ограниченной институциональной автономии. Эти факторы могут препятствовать дальнейшему развитию и совершенствованию образовательной и исследовательской деятельности вузов в регионе.

Четвертая глава представляет собой подробный анализ процесса интернационализации высшего образования в странах бывшего Советского Союза после его распада в 1991 г. Майя Чанкселиани рассматривает это явление как одно из двух ключевых изменений, наряду с маркетингом, которые радикально трансформировали систему высшего образования в регионе. Интернационализация высшего образования определяется в главе как процесс усиления международных связей через трансграничные потоки людей, идей, политик, практик, программ и финансирования. Автор отмечает, что этот процесс был постепенным, в отличие от более резкого процесса маркетинга. В главе подчеркивается, что интернационализация высшего образования в бывших советских странах происходила на фоне сложных процессов национального строительства и переосмысления идентичности. Университеты оказались в ситуации, когда им необходимо было одновременно поддерживать национальное строительство и стремиться к международному признанию и легитимности.

Большинство бывших советских стран присоединились к Болонскому процессу, что привело к значительным изменениям в структуре высшего образования, включая введение трехуровневой системы степеней и внедрение системы кредитов ECTS. Открытие границ привело к значительному увеличению как выездной, так и въездной студенческой мобильности. Россия, даже в текущих условиях, остается важным направлением для студентов из бывших советских республик и стран Глобального Юга.

Наблюдается тенденция к увеличению использования английского языка в преподавании, особенно на уровне магистратуры и докторантуры. В то же время роль русского языка уменьшилась, хотя он остается важным в некоторых странах, особенно в Центральной Азии. Интернационализация привела к росту международного исследовательского сотрудничества, что отражается в увеличении числа публикаций в международном соавторстве. На постсоветском пространстве появились новые типы высших учебных заведений, включая филиалы иностранных университетов, межгосударственные университеты и учреждения, созданные в рамках международных партнерств. Многие университеты региона включились в глобальную академическую конкуренцию и стали уделять большое внимание своим позициям в международных рейтингах, рассматривая их как показатель глобальной конкурентоспособности.

Автор отмечает, что процесс интернационализации в регионе часто воспринимался как синоним «вестернизации» или «европеизации». Это отражает общее стремление к модернизации и реформированию системы высшего образования по западным образцам. Однако автор

также указывает на существование критических взглядов на этот процесс, особенно в контексте потенциальной утраты национальной идентичности и культурных традиций. Особое внимание в главе уделяется роли России в процессах интернационализации в регионе. Автор отмечает, что Россия продолжает играть важную роль в высшем образовании бывших советских республик, особенно через систему филиалов российских университетов и программы студенческой мобильности. Это рассматривается в контексте более широких геополитических интересов России в регионе.

М. Чанкселиани также анализирует влияние интернационализации на исследовательскую деятельность университетов. Отмечается, что в некоторых странах произошла интеграция исследовательских институтов с университетами, что привело к усилению исследовательского потенциала последних. Однако автор подчеркивает, что этот процесс был неравномерным в разных странах региона.

Отмечается, что интернационализация высшего образования в бывших советских странах привела к усилению неравенства между учебными заведениями. Некоторые университеты, особенно бывшие советские, смогли успешно адаптироваться к новым условиям и укрепить свои позиции, в то время как другие оказались менее успешными в этом процессе. Автор подчеркивает парадоксальную природу глобального исследовательского университета в контексте национального государства. С одной стороны, такие университеты должны быть глобально ориентированными и открытыми для международного сотрудничества. С другой стороны, они часто рассматриваются как национальные проекты, призванные служить интересам своих стран.

В пятой главе рассматривается состояние университетской автономии и академической свободы в странах бывшего Советского Союза. Майя Чанкселиани анализирует, как различные модели управления университетами – государственно-ориентированная, рыночная и модель академического самоуправления – влияют на степень автономии вузов и свободы ученых в этих странах. Отмечается, что большинство бывших советских университетов по-прежнему функционируют в рамках государственно-ориентированной модели управления, унаследованной от СССР. При этом в некоторых странах наблюдается постепенное внедрение элементов рыночной модели. Однако гумбольдтовская модель академического самоуправления остается в значительной степени нереализованной.

Автор выделяет страны Балтии как наиболее успешные в отходе от советской модели и обеспечении значительной автономии университетов. В Эстонии, Латвии и Литве автономия вузов закреплена на конституционном уровне. Университеты в этих странах обладают широкими полномочиями в академических, финансовых и кадровых вопросах.

В то же время в России, Беларуси и большинстве стран Центральной Азии сохраняется жесткий государственный контроль над университетами. Ректоры назначаются правительством и подотчетны ему, что ограничивает институциональную автономию. Автор использует термин «ректорский феодализм» для описания властных структур в таких вузах. Отдельное внимание уделяется вопросам академической свободы. Отмечается, что в авторитарных государствах региона свобода ученых серьезно ограничена. Имеют место случаи увольнений за политические взгляды, цензура и самоцензура в исследованиях и преподавании. Особенно уязвимыми оказываются представители социальных и гуманитарных наук. Автор приводит данные Индекса академической свободы, согласно которому бывшие советские страны распределены по всему спектру – от высокого уровня свободы в странах Балтии до крайне низкого в Беларуси, Таджикистане и Туркменистане. Подчеркивается связь между политическим режимом и степенью академической свободы.

Важным фактором, влияющим на автономию и свободу, называется отсутствие в большинстве стран региона системы *tenure* (пожизненного найма профессоров). Это делает ученых более уязвимыми перед административным давлением. Автор отмечает, что ограничения автономии и свободы негативно сказываются на выполнении университетами их ключевых функций. В частности, это препятствует развитию критического мышления у студентов и проведению независимых исследований.

На основе опроса ученых в Грузии и Казахстане делается вывод о том, что многие рассматривают университеты преимущественно как институты подготовки кадров для рынка труда. При этом исследовательская функция и роль вузов в развитии гражданского общества часто недооцениваются. Автор подчеркивает, что даже в странах, где автономия университетов формально гарантирована, ученые отмечают серьезные ограничения в ее реализации. Выражается обеспокоенность тенденцией к усилению государственного вмешательства в дела университетов в ряде стран региона. Делается вывод о необходимости дальнейшей демократизации систем управления вузами и обеспечения реальной, а не декларативной автономии и академической свободы. Это рассматривается как важное условие для полноценного выполнения университетами их образовательной, исследовательской и общественной миссии.

Майя Чанкселиани также отмечает парадоксальную ситуацию, когда многие ученые, выступая за большую автономию от государства, одновременно ожидают от правительства инициатив по развитию критического мышления и новых педагогических подходов. Это свидетельствует о сохранении элементов патерналистского мышления, унаследованного от советской эпохи. Важным аспектом анализа является рассмотрение различий между поколениями ученых в их отношении к вопросам автономии и свободы. Отмечается, что молодые исследователи часто более критично настроены к существующим ограничениям и активнее выступают за демократизацию университетской среды.

Исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения данной проблематики, особенно в контексте растущего глобального внимания к вопросам академической свободы и автономии университетов. Автор указывает на потенциальные направления будущих исследований, включая более детальный анализ влияния различных моделей управления на качество образования и исследований, а также изучение стратегий, используемых учеными и университетами для расширения своей автономии в ограничительных условиях.

В заключительной главе монографии Майя Чанкселиани подводит итоги анализа трансформации бывших советских университетов за последние три десятилетия. Основное внимание уделяется процессам изменений и преемственности в этих институтах. Она отмечает, что трансформация советской университетской модели носила нелинейный характер и сочетала как революционные, так и эволюционные изменения. Ключевым фактором, запустившим процесс трансформации, стал распад Советского Союза. Однако степень и характер изменений существенно различались в разных странах постсоветского пространства.

Выделяются два параллельных процесса – десоветизация и ресоветизация университетов. Десоветизация включала в себя отказ от идеологической монополии марксизма, пересмотр принципов организации высшего образования и научных исследований, расширение институциональной автономии и международного сотрудничества. Наиболее последовательно этот процесс проходил в странах Балтии. В то же время в ряде стран, особенно в Беларуси, наблюдались тенденции ресоветизации – сохранения или восстановления элементов советской образовательной системы. Майя Чанкселиани подчеркивает, что бывшие советские университеты остаются ведущими высшими учебными заведениями в своих странах. Они сохраняют статус флагманов национальных систем высшего образования, привлекая наибольшее количество студентов и получая значительную долю государственного финансирования. Многие из них также занимают лидирующие позиции в сфере научных исследований.

Важным аспектом трансформации стало изменение целей и функций университетов. Если в советский период они были ориентированы на удовлетворение потребностей плановой экономики, то в постсоветский период акцент сместился на подготовку кадров для рыночной экономики. При этом сохранилось утилитарное отношение к высшему образованию, рассматривающее его преимущественно через призму развития человеческого капитала. Автор отмечает, что в большинстве стран региона преобладает эссенциалистский взгляд на роль университетов, сводящий их основную функцию к обеспечению трудоустройства выпускников. Меньше внимания уделяется развитию критического мышления, гражданского общества и целостному развитию личности. Исследовательская функция университетов также часто рассматривается утилитарно, с акцентом на прикладные исследования.

Значительное внимание в заключительной главе монографии уделяется вопросам национальной идентичности и интернационализации. Автор подчеркивает, что бывшие советские университеты стали важными инструментами национального строительства в постсоветских государствах. Многие из них получили статус «национальных» университетов и активно участвуют в формировании национальной идентичности. Одновременно наблюдается тенденция к интернационализации. Университеты стремятся расширять международные связи, участвовать в международных исследовательских проектах, повышать свою глобальную узнаваемость. Однако автор отмечает, что большинство этих вузов остаются глубоко национальными институтами, балансирующими между глобальными амбициями и национальными приоритетами.

Особое внимание уделяется вопросам академической свободы и институциональной автономии. Автор подчеркивает, что в большинстве стран региона эти аспекты остаются ограниченными. Сохраняются элементы централизованного управления и педагогики «сверху вниз». Это создает препятствия для полноценной реализации образовательной и исследовательской миссии университетов, а также ограничивает их потенциал в сфере международного сотрудничества.

В заключительной части книги Майя Чанкселиани размышляет о будущем бывших советских университетов. Она пишет о необходимости переосмысления их роли в индивидуальном и общественном развитии. Предлагается более целостный взгляд на миссию университетов, выходящий за рамки узкого понимания их функции как подготовки кадров для рынка труда. Автор подчеркивает важность развития критического мышления, гражданского общества и поддержки самореализации личности. Майя Чанкселиани указывает на необходимость баланса между национальными интересами и глобальной миссией университетов. Отмечается, что истинно глобальный университет должен быть способен ставить глобальные отношения и глобальное благо выше узко понимаемых национальных интересов. В целом автор заключает, что будущие изменения в бывших советских университетах должны исходить изнутри этих институтов. Майя Чанкселиани указывает на наличие потенциальных агентов перемен, но отмечает, что низкий уровень доверия, пассивность и определенное безразличие внутри университетских сообществ препятствуют инициативам по реформированию.

Действительно, после распада СССР постсоветские университеты столкнулись с серьезными вызовами, включая сокращение финансирования и «утечку мозгов». Если в советской модели ряд из них должны были играть центральную роль в формировании научно-технических кластеров, то новые политико-экономические реалии ставили это под сомнение. Однако многие из них сумели адаптироваться к новым условиям, трансформировавшись в инновационные центры и технопарки. Процессы маркетизации и интернационализации, описанные в анализируемом тексте, оказали значительное влияние на развитие этих кластеров в постсоветский период. Например, МФТИ в Долгопрудном активно включился в международное научное сотрудничество, развивая партнерские отношения с ведущими мировыми университетами и исследовательскими центрами. Зеленоград трансформировался в особую экономическую зону технико-внедренческого типа, привлекая иностранные инвестиции и технологии. Петергофский кампус Санкт-Петербургского государственного университета стал важной площадкой для реализации международных образовательных программ. Эти трансформации отражают более широкие тенденции в развитии высшего образования и науки на постсоветском пространстве, включая усиление конкуренции между вузами, поиск новых источников финансирования, стремление к интеграции в глобальное научно-образовательное пространство. При этом, как отмечается в анализируемом тексте, эти процессы сопровождаются определенными противоречиями и вызовами, в частности, связанными с балансом между национальными интересами и глобальной ориентацией, а также с вопросами академической свободы и институциональной автономии.

Опираясь на работу Майи Чанкселиани, можно увидеть, что эволюция университетских кластеров на постсоветском пространстве происходила в контексте глобальных изменений высшего образования, характеризующихся процессами маркетизации, интернационализации и трансформации институциональной автономии. В современном понимании университетские кластеры преимущественно рассматриваются как пространства для производства практически

ориентированных научных знаний, направленных на удовлетворение потребностей промышленности и бизнеса. Однако такой подход представляется ограниченным и не в полной мере отражающим потенциал университетов в современном обществе. В современных реалиях стоит задача переосмысления роли университетских кластеров не только как связующего звена между наукой и производством, но и как ключевого элемента в формировании гражданского общества и производстве социальных смыслов. В этом контексте университетские кластеры должны рассматриваться как многомерные экосистемы, объединяющие образовательные институты, исследовательские центры, инновационные предприятия и, что критически важно, различные гражданские сообщества. Для реализации расширенной концепции университетских кластеров необходимы изменения, инициированные изнутри самих институтов. Это предполагает преодоление существующих барьеров, таких как низкий уровень доверия и пассивность университетских сообществ, а также развитие новых форм взаимодействия с различными социальными группами и общественными организациями. Таким образом, переосмысление университетских кластеров как пространств не только для производства практических знаний, но и для формирования гражданского общества и социальных инноваций представляется ключевым направлением их дальнейшего развития в постсоветском контексте и за его пределами.

Анализ эволюции постсоветских университетов и их роли в научно-технических кластерах демонстрирует, что в этой сфере сохраняется ряд концептуальных вопросов и методологических вызовов. Во-первых, хотя многие работы акцентируют внимание на процессах маркетинга, интернационализации и трансформации институциональной автономии, остается открытым вопрос о том, каким образом глобальные тренды преломляются в конкретных исторических и региональных условиях. Очевидно, что различия между странами Балтии, Россией и государствами Центральной Азии делают невозможным единообразное применение таких моделей, как «тройная спираль» или концепция «глобального исследовательского университета», и требуют дополнительного сравнительного анализа. Во-вторых, актуальной остается дискуссия об оптимальной роли государства в становлении университетских кластеров. Одни исследователи подчеркивают значение централизованного планирования и финансирования для консолидации ресурсов, другие указывают на важность академической автономии как фактора, стимулирующего инновации. Третьим значимым направлением для дальнейшего осмысления выступает проблема баланса между коммерциализацией знаний и сохранением фундаментальной научной повестки, что в постсоветском контексте может иметь особую остроту из-за сочетания советского наследия и новых рыночных реалий.

Настоящая работа вносит вклад в данную дискуссию, выстраивая широкую теоретическую рамку для понимания процессов трансформации и подчеркивая неоднородность постсоветского пространства. Она не только идентифицирует ключевые направления исследований (например, влияние институциональных реформ и разных степеней «государственного участия»), но и ставит вопросы о том, как локальные особенности влияют на результативность высшего образования, академическую свободу и взаимодействие с бизнес-сообществом. Намеченные в статье подходы и выводы открывают широкое поле для углубленных эмпирических исследований, которые могли бы включать как количественный анализ (статистические данные по финансированию, публикационной активности, структуре выпускников), так и качественные методики (интервью с представителями университетских сообществ, анализ локальных стратегий развития). Их результаты позволят на следующем этапе более детально проверить гипотезы о роли университетов в формировании инновационных экосистем и прояснить, какие именно факторы (государственное регулирование, исторические традиции, глобальные стандарты и т.д.) оказывают решающее влияние на успешность научно-технических кластеров.

Таким образом, дальнейшее междисциплинарное и сравнительное исследование постсоветских университетов выходит за рамки традиционного обсуждения национальных интересов или глобальных стандартов. Оно переходит к более широкому вопросу о том, как именно современный университет может быть вплетен в структуру инновационной экономики и гражданского общества, учитывая специфику постсоветского прошлого и перспективы глобальной интеграции.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-78-10184 «Формирование и развитие научно-технических кластеров в пригородах Москвы и Ленинграда / Санкт-Петербурга в 1960-е – 2010-е гг.: вузы, наука, индустрия».

Библиографический список

- Бычкова О. и др. Фантастические миры российского хай-тека. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 413 с. ISBN 978-5-94380-264-5.
- Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014. 276 с. ISBN: 978-5-906139-03-0. EDN: VBJHRT.
- Дежина И., Киселева В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП, 2008. 227 с.
- Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Структура мобильности научных кадров высшей квалификации: модель и результаты исследования. М.: Университетская книга, 2011. 256 с. EDN: TTBLUJ.
- Юдкевич М., Кузьминов Я. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом ВШЭ. 2022. 616 с.
- Audretsch D.B., Lehmann E.E. Does the Knowledge Spillover Theory of Entrepreneurship Hold for Regions? // Research Policy. 2005. Vol. 34, no. 8. P. 1191–1202.
- Balzer H. Soviet Science on the Edge of Reform. Boulder: Westview Press, 1989. 307 p.
- Chankseliani M. What happened to the Soviet University? Oxford: Oxford University Press, 2022. 320 p.
- Etzkowicz H., Leydesdorff L. The Triple Helix: University – Industry – Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development // EASST Review. 1995. Vol. 14, no. 1. P. 14–19.
- Graham L.R. Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge: MIT Press, 2013. 204 p.
- Josephson P.R. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. 351 p.
- McCann P., Ortega-Argilés R. Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy // Regional Studies. 2015. Vol. 49, no. 8. P. 1291–1302.
- O'Mara M.P. Cities of Knowledge: Cold War Science and the Search for the Next Silicon Valley. Princeton: Princeton University Press, 2005. 298 p.
- Porter M.E. Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Governments, and Institutions // On Competition. Boston: Harvard Business School Press, 1998. P. 197–287.
- Ter Wal A.L.J., Boschma R. Co-evolution of Firms, Industries and Networks in Space // Regional Studies. 2011. Vol. 45, no. 7. P. 919–933.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.03.2025

FROM SOVIET TO GLOBAL: RETHINKING UNIVERSITIES AND THE FORMATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CLUSTERS

A. A. Fokin

Visual History Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Promyshlennaya St., 17, lit. A, St. Petersburg, 198095, Russia

Center for Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, Moscow, 119571, Russia

Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Sechenov University), Bolshaya Pirogovskaya St., 2, Bldg. 4, Moscow, 119991, Russia
aafokin@yandex.ru

ResearcherID: ABE-2141-2021

Scopus Author ID: 57195673223

SPIN: 7974-0880

This article examines the evolution of (post)Soviet university clusters in the context of global changes in higher education. Based on an analysis of Maya Chankseliani's monograph "What happened to the Soviet University?" which investigates the processes of marketization, internationalization, and transformation of institutional autonomy

in former Soviet universities, the paper explores the development of scientific and technical clusters in the suburbs of Moscow and Leningrad/St. Petersburg. The study reveals the contradictions between national interests and global ambitions of universities, as well as issues of academic freedom in the post-Soviet space. Despite significant changes, former Soviet universities maintain their leading role in national higher education systems, adapting to new economic and social realities. The article argues that the transformation of university clusters in the post-Soviet space occurred in the context of global changes in higher education, characterized by processes of marketization, internationalization, and transformation of institutional autonomy. While university clusters are often viewed primarily as spaces for producing practically oriented scientific knowledge aimed at meeting the needs of industry and business, this approach is limited and does not fully reflect the potential of universities in modern society. The author proposes rethinking the role of university clusters not only as a link between science and industry but also as a key element in shaping civil society and producing social meanings. In this context, university clusters should be viewed as multi-dimensional ecosystems that unite educational institutions, research centers, innovative enterprises, and various civic communities. To implement this expanded concept of university clusters, changes initiated from within the institutions themselves are necessary. This involves overcoming existing barriers such as low levels of trust and passivity in university communities, as well as developing new forms of interaction with various social groups and public organizations. The article concludes that rethinking university clusters as spaces not only for producing practical knowledge but also for shaping civil society and social innovations is a key direction for their further development in the post-Soviet context and beyond.

Key words: post-Soviet universities, scientific and technical clusters, marketization of education, internationalization, academic freedom, higher education.

Acknowledgments

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-78-10184 "Formation and development of scientific and technical clusters in the suburbs of Moscow and Leningrad/St. Petersburg in the 1960s – 2010s: universities, science, industry", <https://rscf.ru/project/24-78-10184/>.

References

- Audretsch, D. B., & Lehmann, E. E. (2005). Does the knowledge spillover theory of entrepreneurship hold for regions? *Research Policy*, 34(8), 1191–1202.
- Balzer, H. (1989). *Soviet science on the edge of reform*. Westview Press.
- Bychkova, O., et al. (2012). *Fantasticheskie miry rossiyskogo khaiteka* [Fantastic worlds of Russian high-tech]. Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Chankseliani, M. (2022). *What happened to the Soviet university?* Oxford University Press.
- Dezhina, I., & Kiseleva, V. (2008). *Gosudarstvo, nauka i biznes v innovatsionnoy sisteme Rossii* [State, science and business in the innovation system of Russia]. IEPP.
- Etzkowit, H., & Leydesdorff, L. (1995). The Triple Helix: University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development. *EASST Review*, 14(1), 14–19.
- Graham, L. R. (2013). *Lonely ideas: Can Russia compete?* MIT Press.
- Josephson, P. R. (1997). *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton University Press.
- Kachanov, Yu. L., & Shmatko, N. A. (2011). *Struktura mobil'nosti nauchnykh kadrov vysshey kvalifikatsii: model' i rezul'taty issledovaniya* [The structure of mobility of highly qualified scientific personnel: A model and research results]. Universitetskaya kniga.
- McCann, P., & Ortega-Argilés, R. (2015). Smart specialization, regional growth and applications to European Union cohesion policy. *Regional Studies*, 49(8), 1291–1302.
- O'Mara, M. P. (2005). *Cities of knowledge: Cold War science and the search for the next Silicon Valley*. Princeton University Press.
- Porter, M. E. (1998). Clusters and competition: New agendas for companies, governments, and institutions. In *On competition* (pp. 197–287). Harvard Business School Press.
- Ter Wal, A. L. J., & Boschma, R. (2011). Co-evolution of firms, industries and networks in space. *Regional Studies*, 45(7), 919–933.
- Vakhitov, R. R. (2014). *Sud'by universiteta v Rossii: imperskiy, sovetskiy i postsovetskiy razdatochnyy mul'ti-institut* [The fate of the university in Russia: Imperial, Soviet and post-Soviet distributional multi-institute]. Strana Oz.
- Yudkevich, M., & Kuzminov, Ya. (2022). *Universitety v Rossii: kak eto rabotayet* [Universities in Russia: How it works]. Litres.